

РОСТОВ-НА-ДОНУ: МАТРИЦА КОНЦЕПТОВ И РОКОВАЯ ЧЕПУХА НА ФОНЕ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье описан авторский инструментарий анализа происхождения города Ростова-на-Дону: концепты структурной антропологии, сравнительной истории, любви-ненависти, констант современного города, Новороссии, типа человека в его имперско-советском воплощении, тотальной истории и травелога. Структурная антропология позволяет поставить проблему поиска аналога «ростовских индейцев» в процессе использования данных палеонтологии и археологии. Сравнительная история стимулирует выработку особой оптики к описанию южного региона России и города Ростова-на-Дону, вошедшего в зону господства Российской империи во второй половине XVIII в. Современный ситуационизм позволяет анализировать свойства агрессивности, тоталитарности, мёртвого города и противоречий государственного капитализма во всех эпохах ростовской жизни. Концепт любви-ненависти по отношению к Ростову-на-Дону включает множество религиозно-мировоззренческих, культурных и политических феноменов, включая образ города, который создают иностранные путешествующие литераторы и местные писатели. Автор предлагает провести трансграничную дискуссию о ретроидеологеме Новороссии с учётом универсальности расейско-лакейского типа человека и производного от данного типа политического языка. Сформулирована гипотеза о возможности применения авторского инструментария к описанию множества параметров фактической истории Ростова-на-Дону.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, концепт, концептология, структурная антропология, сравнительная история, современный город.

Люди той эпохи не были способны воспринимать все многообразие вселенной.

Клод Леви-Стросс

Фернан Бродель показал, что модель городского сообщества есть нечто большее, чем совокупность домов, улиц, памятников, центра и окраин. Город — это пространственное отражение социальных отношений. Город даёт матрицу для прочтения тайнописи. Я попыта-

ность предложить фрагменты матрицы для чтения предыстории и социальной истории Ростова-на-Дону.

Все истории о прошлом города Ростова-на-Дону, которые мне пришлось прочесть, начинаются с предыстории. В ней повествуется о бескрайних пространствах степи, в которых возникали временные пристанища в эпохи движения больших и малых человеческих масс. О мировоззренческих предпосылках путешествия по степи богатой рефлексии я не встречал, если исключить «доморощенную идеологию» Л.Н. Гумилева [Беляков 2014]. Историю «хождения за три моря» Афанасия Никитина, с которой обычно начинается отсчёт русских травелогов, я уже позабыл и не помню мотивов, по которым он со товарищи рискнули предпринять такое путешествие. Но тяга человека к путешествиям и литература травелога меня всегда интересовали. Мой интерес к Ростову-на-Дону — это попытка объединить любопытство читателя с интеллектуальным путешествием. Первым шагом будет обзор инструментария, с которым я приступаю к предыстории Ростова-на-Дону.

Путешествия и городские царства

Начну с идеи многомерности путешествий. Обычно под путешествием понимают перемещение в пространстве. Согласно Леви-Строссу, каждое путешествие одновременно вписывается в пространство, время и в социальную структуру. «Любое впечатление поддаётся определению только путём его взаимного соотнесения с этими тремя осями, а поскольку пространство само по себе имеет три измерения, то, для того чтобы составить о путешествии адекватное представление, потребуется по крайней мере пять измерений» [Леви-Стросс 1984: 37]. Но я не припомню таких описаний путешествий, в которых было бы реализовано это требование. Поэтому надо углубиться в аргументы Леви-Стросса.

Леви-Стросс считал, что для европейской цивилизации характерно противоречие между домом и улицей. В Америке оно заменяется противоречием между человеком и равниной, поросшей кустарником. Если учесть, что донские степи преимущественно равнинные, но с порослью камыша, то не является ли противоречие между человеком и степью исходным принципом описания Ростова-на-Дону?

Леви-Стросс считал понятие «девственной природы» двусмысленным. По его мнению, пейзаж подчинен человеку. Он кажется диким не потому, что является таковым, а по причине медленной смены пейзажа. «Поставленные вопросы были столь сложными, что человек, вместо того чтобы давать на них систематический ответ, выступал на протяжении веков со множеством мелких действий. Теперь конечные результаты, подводящие им итог, представляются ему со стороны первоначальным свойством. Так называемая подлинная дикость пейзажа проистекает из цепи мероприятий и бессознательных решений» [Там же: 44].

Может ли считаться нынешний окружающий пейзаж Ростова-на-Дону следствием множества бессознательных решений? Если да, то кто и когда их предпринимал и регистрировал? В любом случае понятие «дикого пейзажа» есть следствие деятельности человека. Требуется разработка аппаратуры, которая позволяет фиксировать бессознательные решения в самом процессе урбанизации природы. Идеалом может быть знаменитый трёхтомник Фернана Броделя о Средиземноморье, в котором весь первый том посвящён формулировке множества проблем вписывания городов в окружающую природную среду [Бродель 2002]. Как использовать весь этот набор проблем для описания предыстории Ростова-на-Дону? Ответ на вопрос я вижу в использовании фундаментального исследования М.К. Любавского, в котором есть раздел, посвящённый истории колонизации Дона [Любавский 1996].

Кроме того, Леви-Стросс зафиксировал противоречие между современными и средневековыми городами. Современные города банальны, поскольку в них трудно найти отличитель-

ные признаки их собственной истории. Эта история подавляется однородными административными различиями. В средние века города можно было узнавать (подобно ботанику, который различает растения по названию, виду и строению), и «определять принадлежность каждого к той или иной большой семье городского царства, которое человек добавил к природному» [Леви-Стросс 1984: 47].

В средние века Ростова-на-Дону не было. Отсюда вытекает несколько оптик при описании южно-российских городов вообще и Ростова-на-Дону в частности: мера его банальности; универсальность административных различий; соотношение природного и городского царства в каждом городе. Под каждую оптику можно подвести соответствующую картину.

Ростов-на-Дону — прибрежный город. Обычно такое расположение считается удобным для развития. Леви-Стросс показал, что урбанизация стала необратимой лишь в прибрежных городах. «Во внутренних районах городские образования появлялись и исчезали. Таким образом, заселяясь в одном пункте, провинция в то же время пустела в другом. Перемещаясь с места на место, не увеличиваясь при этом в числе, жители меняли свой социальный тип, так что, сопоставляя заброшенные и только ещё оформляющиеся города, можно было провести изучение социологических преобразований, совершившихся за чрезвычайно короткий период и столь же поразительных, как в палеонтологии, где они охватывают миллионы веков эволюции организмов» [Там же: 48]. Стало быть, возникает проблема появления и воспроизводства социального типа ростовчанина и соотношения в нем палеонтологических и социологических преобразований в истории города. Непонятно, на каких основаниях проводить сравнение, поскольку к ростовчанам придёт отнести лошадиные и человеческие кости всех курганов, когда либо существовавших на территории нынешнего Ростова-на-Дону. Чем здесь могут помочь археологические концепции? — следующий вопрос, на который я не знаю ответа.

«В период существования Бразильской империи, — пишет Леви-Стросс, — заселение страны было слабым, но распределялось оно по территории относительно равномерно. Если прибрежные или соседние с ними города оставались хилыми, то города во внутренних районах проявляли большую жизнеспособность, чем теперь. Сказался исторический парадокс, который слишком часто стараются забыть, — общая скудость средств сообщения благоприятствовала развитию лишь самых отсталых городских поселений» [Там же: 48].

Можно ли такой парадокс обнаружить в истории Ростова-на-Дону? В каком смысле его можно считать отсталым или жизнеспособным, поскольку он возник как крепость, а во второй половине XIX в. развивался бурно и даже получил название «Ливерпуля»?

Известно также, что в период открытия новых земель путешественники вдохновлялись желанием удостовериться в истинности библейских событий древности вместе с реализацией алчности, которая уже не могла удовлетвориться в рамках христианского мира. Поэтому дилемма старого и нового мира обострилась.

Леви-Стросс приводит примеры. В 1492 г. в Эспаньоле (теперь остров Гаити) насчитывалось около ста тысяч индейцев. Век спустя их оставалось не больше 200 человек, «погибающих даже не столько от оспы и побоев, сколько от ужаса и отвращения к европейской цивилизации, колонизаторы посылали комиссию за комиссией для установления их природы... Эти комиссии изучали следующие вопросы: если индейцы люди, то следует ли их считать потомками десяти потерянных колен Израилевых? Или монголами, отправившимися туда на слонах? Или шотландцами, прибывшими несколько веков назад под предводительством короля Медока? Являются ли они от рода язычниками, или это бывшие католики, крещённые святым Фомой, стали еретиками? Люди это или порождение дьявола или животные? В любом случае предполагалось, что им далеко до разумных существ и потому они являются выючными животными. Наиболее известная комиссия, состоящая из монахов ордена Св. Иеронима,

была в 1517 г. и бросает свет на настроения умов той поры. Она сделала единодушное заключение: «Для индейцев будет лучше стать людьми в рабстве, нежели оставаться животными на свободе... «Последняя точка в этом обвинительном заключении поставлена несколькими годами позже таким свидетельством: «Они едят человеческое мясо, у них нет правосудия, они ходят нагишом, едят сырыми блох, пауков и червей... У них отсутствует борода, а если она случайно вырастает, они спешат ее выщипать» [Там же: 29]

В этом отношении интересно, питали ли аборигены, кочевавшие на месте нынешнего Ростова-на-Дону, аналогичные чувства ужаса и отвращения к московским землепроходцам и колонизаторам? Такие исследования мне не попадались, хотя в отношении автохтонных племён и народностей Сибири и Дальнего Востока такие явления фиксируются без труда.

Наконец, Леви-Стросс выводит отрасли современной науки из различного опыта индейцев и белых. На острове Пуэрто-Рико индейцы ловили белых и умерщвляли их, погружая в воду, а затем неделями стерегли утопленников, чтобы узнать, подвержены ли они тлению. «Сравнивая эти обследования, — пишет Леви-Стросс, — можно сделать два заключения: белые прибегали к социальным наукам, тогда как индейцы питали доверие скорее к наукам естественным, и в то время как белые объявляли индейцев животными, вторые предполагали в первых небожителей. При равном невежестве последнее было, безусловно, более достойным людей» [Там же: 30]. Примечательно, что достоинство в большей степени присуще «дикарям». Является ли этот вывод Леви-Стросса простой реминисценцией Руссо или может считаться эмпирически подтверждённым? Если избрать второй ответ, то придётся предков ростовчан считать более развитыми в когнитивном и нравственном отношении, чем наших современников... В любом случае проблема поиска ростовских индейцев остаётся открытой.

Разумеется, поставленные вопросы не исчерпывают тему предыстории Ростова-на-Дону. В любом случае без данных палеонтологии и археологии не обойтись.

Деполитизация и ситуационизм

Ростов-на-Дону возник на территории, которая была предметом длительного противоборства между Османской и Российской империями. Наш город — один из результатов экспансии Российской империи в южном направлении. В современной литературе южная политика России на протяжении XIX–XX вв. характеризуется как отказ от позиции здравого смысла: «Российские национальные интересы в это время приходят в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и приведшим в конце концов к национальной трагедии и крушению Российской империи. Аналогичные противоречия привели к тем же результатам и Османскую империю» [Орешкова 2005: 44]. Стало быть, историю Ростова-на-Дону можно написать также как воплощение правительственной иррациональности в конкретных социально-исторических формах конфликта между имперским авантюризмом и национальными интересами России на протяжении последних двухсот лет.

Предпосылкой для реализации такого подхода может быть капитальный труд Д. Ливена. Он описал сходство и различие между Османской и Российской империями в периоды их становления, расцвета и распада [Ливен 2007]. Одно из ключевых положений его исследования состоит в систематизации *противоречий* между современными технологиями и доморощенными идеологиями (типа евразийства), которые сложились во время завоевания Новороссии и воплощаются до сих пор в русском государственном разуме [Макаренко 2016].

Для развития такого подхода требуется систематизация материала и идей, собранных и высказанных инициаторами, свидетелями и жертвами данного процесса. Большинство нынешних жителей Ростова являются их потомками. Требуется выработка и применение особой

оптики к описанию южного региона России и города Ростова-на-Дону, вошедшего в зону господства Российской империи во второй половине XVIII в.

В одной из книг я узнал, что Ростов возник сам (а не в силу правительственных распоряжений) в борьбе с вражьими и соплеменными соседями. Запорожцы до половины XVIII в. далее Старо-Черкаска не доходили. Монастырский яр — это род запорожской паланки. Старо-Черкаска основана в 1570 г. запорожцами во главе со Стефаном Баторием, т. е. в одно почти время с их кошем или сечью на Чертомлыке [Чилхушьян Б/г]. В 1782 г. по указанию Потемкина было сделано «Описание Азовской губернии», из которого следует, что на 60 чел. всего населения города приходился 1 купец, что уже явно показывает чисто торговое направление будущего города [Скальковский 1865–1866: 1, 2, 16]. А. Скальковский критиковал пожалованный в 1811 г. Ростову герб: «В голубом поле башня, изображающая преграду, поставленную от набегов соседственных хищных народов и поверхность нашу над ними, изображённую трофеем, поставленным из орудия тех народов в красном поле». Зная дальнейшую историю Ростова смело сказать можно, что в герб его надобно было ставить не изображение «преграды», а напротив оливковую ветвь как символ гостеприимства, привлечение чужих людей русских и иностранных для внутренней и внешней торговли империи, для которой этот рынок был мытным двором между северо-восточной и юго-восточной её частью» [Там же: 18]. Он считал: «История этого города есть история его торговли и благоустройства, ибо вдали от всякого рубежа он непосредственно не участвовал ни в одном из политических событий, тяготивших на других наших городах и портах» [Там же: 20].

Стало быть, противоположность между самостоятельным возникновением и правительственным учреждением города фиксировалась уже в XIX в. Возникает вопрос: нельзя ли считать, что отрицательное отношение к государству образует традицию Ростова-на-Дону?

Независимо от положительной или отрицательной оценки данной традиции приведу для фона характеристику ситуации в современной России: резкое социальное расслоение общества, отбрасывание большей части населения в бедность и нищету; закрытие каналов вертикальной социальной мобильности, приобретение обществом кастового характера; дети социальной верхушки (банкиров, чиновников, генералов) обречены на то, чтобы стать частью этой верхушки; для изменения социального статуса к лучшему надо получить хорошее образование, а для 95% населения это нереально; произвол правоохранительных органов, тотальная коррупция чиновничьего и судебного аппарата; дегуманизация общества, пропаганда насилия и эгоизма через СМИ, превращение насилия и аморализма в норму, уничтожение настоящей культуры и навязывание масскульты; превращение России из сверхдержавы в отсталую страну третьего мира, зависящую от западных кредитов; саморазоблачение властвующей элиты как клептократической, разворовывающей государственную собственность и национальное достояние и сросшейся с криминальным миром; уничтожение природы, воровское расхищение природных запасов; разгул наркомании, алкоголизма, детской и подростковой проституции и порнобизнеса, социальных болезней; наступление клерикализма и религиозного обскурантизма, расцвет сект, насильственное насаждение православия и ислама; разгул национализма, поощрение властями (центральными и местными) националистической пропаганды, ущемление прав «некоренного» населения, нагнетание ксенофобии [Тарасов 2005: 417–419].

Эта ситуация воздействует на константы современного города:

1. Город по природе агрессивен и тоталитарен, поскольку возник как оборонительное (то-есть военное) сооружение. Поэтому городское пространство жизни превращено в пространство подавления.

2. Город — это живой организм, несущий в себе собственную легенду (миф города) и воздействующий данной легендой на жизнь и сознание горожанина. Существует такая клас-

сификация современных городов: а) в живых городах революционная мысль и культура имели возможность свободно развиваться; б) мёртвые города убивают творческий дух живущих в них мыслителей и художников и революционный порыв масс; в) мёртвые города подавляют человека, испытывая его на излом; те, кто ломается, превращается в бездушные бизнес-машины; те, кто способен этому противостоять, должен перейти к активному сопротивлению; г) возрождённые города благоприятствуют объединению революционных художников с революционными массами.

3. Город — это материал развития, база прогресса. Сельскую местность изменить нельзя. Отсюда вытекает ещё ряд характеристик: создание городов для решения экономических задач капитализма, а не задач, стоящих перед индивидуумом; навязываемость конsumerизма и манипуляция сознанием порождают множество транспортных проблем (рост численности личного автотранспорта, пробки на улицах и дорогах, загрязнение среды, деградация общественного транспорта, нарастание отчуждения между людьми и культурное одичание); превращение центров в деловые кварталы днём и центры развлечений вечером — деградация как среды обитания и места жизни; массовая однообразная и эстетически убогая застройка спальных районов, воспроизводство промзон; чем меньше историческое прошлое и архитектурное своеобразие нёс в себе город, тем большую агрессию он вызывал [Там же: 449–457].

На каких основаниях построить иерархию данных характеристик в отношении прошлого и современного Ростова-на-Дону? Свободен ли он от агрессивности, тоталитарности, свойств мёртвого города и противоречий государственного капитализма, присущего всех эпохам ростовской жизни?

Концепт любви-ненависти

Идеалом европейского гражданина и горожанина можно считать Н. Макиавелли, провозгласившего кредо: «Родной город я люблю больше, чем душу» [Макиавелли 1998: 322]. В отличие от европейского мыслителя современный турецкий писатель и Нобелевский лауреат Орхан Памук разработал концепт любви-ненависти по отношению к родному городу Стамбулу. В состав данного отношения входит множество религиозно-мировоззренческих, культурных и политических феноменов, включая образ города, который создают иностранные путешествующие литераторы и местные писатели [Макаренко 2011]. Этот образ становится частью города. Дух города — это творческая пространственно-временная связь между прошлым и современностью (Востоком и Западом), совмещение любви к книгам и искусству с принадлежностью к городской жизни и культуре. Неповторимость и уникальность города вытекает из множества случайных встреч, воспоминаний, слов, цветов и образов жителей города. Популярная история формируется на стыке истории и литературы, истории личной жизни в контексте событий, оставшихся в прошлом города.

Для описания города надо изображать то, что прячется за его кулисами. Нищие дальние кварталы не менее важны, чем достопримечательности центра. Характер города определяется тем, что можно увидеть и рассказать о нем только «за гранью» приличий. Надо усвоить критические суждения о родном городе иностранцев и иногородних. Эта информация интереснее банальных восторгов по поводу «красоты» и «своеобразия» любого города. Записки иностранцев надо читать как собственные воспоминания. Особенно важны указания на такие особенности местной жизни, которые аборигены не поняли из-за специфической слепоты — привязанности к данному месту и времени. Привычка смотреть на город глазами чужака может служить противовесом слепому патриотизму и стремлению «быть как все». Чтобы сохранить связь с городом, надо смотреть на него с разных точек зрения. Если жить все время в одном городе и быть к нему привязанным, это ведёт к потере интереса к городу. Чтение нелече-

приятных книг иностранных путешественников необходимо для трезвого взгляда на свой город и страну. И выработки собственной модификации чувства любви-ненависти к своему городу и стране.

Если человек принадлежит одновременно к двум разным культурам (восточной и западной), ему трудно свести воедино тексты традиционной культуры. Поэтому он нуждается в иностранце — чужаке, который своим текстом, книгой, картиной, фильмом помогает понять жизнь. Каждый живущий на стыке культур должен стать своим собственным «иностранцем». Для этого надо противостоять требованиям государства и любых общественных организаций и групп; быть европейцем, когда тебе хочется оставаться человеком Востока; вести себя как человек Востока, когда от тебя требуют быть европейцем.

Короче говоря, жителям бывших империй надо быть готовым к печали, возникающей после их распада. Если перейти на язык А. Платонова, каждый «государственный житель» России может выработать свой вариант «любви-ненависти» к городу, стране рождения и проживания. Здесь ростовчанам есть у кого поучиться.

Новороссия как реализация роковой чепухи

Учёбу можно начать с чтения дневника Ивана Сергеевича Аксакова. Он был не только вождём славянофильства, но и путешествующим литератором. Его оценки важны для культивирования чувства любви-ненависти к региону, в котором находится Ростов-на-Дону. И.С. Аксаков объезжал с инспекционной поездкой регион от Волги до Дуная. Был и в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону — часть Новороссии. Это исторические территории, прилегающие к Азовскому и Чёрному морям, в Северном Причерноморье. Новороссия включала южную степную часть современной Украины (Одесская, Николаевская, Кировоградская, Херсонская, север Крыма, Днепропетровская, Запорожская, Донецкая, Луганская области), и частично юг европейской части современной Российской Федерации (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), Приднестровье, Молдавия. Термин «Новороссия» употреблялся со второй половины XVIII века – по начало XX века, когда существовала Новороссийская губерния. По ходу путешествия Аксаков высказал интересные суждения о судьбе Одессы, евреев, сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов, русских мужиков, поповской касте России, русских купцах, специфике русской книжной торговли, официальной лжи России, сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомствах, тайной полиции и порядке, православных холуях правительства, сути славянофильства и пр.

Один сюжет выделю особо. По мнению И.С. Аксакова, в Новороссии произошло соединение Великой, Малой и Белой Руси. Но уже к середине XIX века обнаружили следствия правительственного вмешательства в естественные процессы, которые связаны с характеристикой Новороссии: «Здесь же русские будто на чужбине: народонаселение составлено из беглых, бродяг и иностранных пришельцев. Коренные русские здесь — раскольники, очень злые, имеющие сношение с заграничными раскольниками» [Иван Сергеевич Аксаков... 2004: 395–396]. «В этом пришлом народонаселении нет никакой привязанности к России, да и не к чему привязаться, потому что оно не в России, а в Новороссии, нет почвы туземной, в которую можно было бы пустить корни». «Русские здесь — поколение беглых, враждебное России... Россия является для них страшилищем, странною холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, — и крепостное право, расстилающееся над Россиюю свинцовою тучей, пугает их невыразимо» [Там же: 414, 422].

Эта характеристика дополняется описанием свойств местного населения Новороссии. «Хохлы здешние порусели, русские утратили чистоту речи и особенность своего народного типа. Здешних крестьян-малороссов где-нибудь „под Полтавой“ дразнят москалями, а рус-

ские бранят хохлами. Говорят они и по-малороссийски, и по-русски, и на обоих наречиях дурно; одеваются по-хохлацки, а между тем отпускают бороду по русскому обычаю. Мещане и мещанки, носившие прежде малороссийское платье, теперь его сбросили и надели русское, т. е. немецкое. Победоношен элемент великорусский и мало-помалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трак-тирно-московский, расейско-лакейский. У нас, в России, мы говорим, что народ портится благодаря подражательности Западу нашего сословия, — но то, что мы признаем *искажени-ем* нашего быта, является в Украине *образом* чисто русского быта» [Там же: 227].

Короче говоря, народы Новороссии «угнетены роковою чепухою современной всероссийской жизни» [Там же: 385]. Возникает проблема описания прошлой и нынешней российской, новороссийской и ростовской мерзости и роковой чепухи, поскольку ретроидеологема Новороссии использовалась для идеологического прикрытия войны между Россией и Украиной. Дискуссия о ретроидеологеме может быть трансграничной с учётом универсальности расейско-лакейского типа и производного от него политического языка [Губарев 2016].

Ментальная карта советских людей, главнюки и проблема прощения

От Новороссии протянем цепь к советским временам, по которым ностальгирует нынешнее правительство России. Советско-лакейский тип (или ментальная карта) описан Н. Козловой на основе анализа народного архива (дневников простых советских людей).

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел — стал читать Библию.

Верноподданный офицер после войны читал лекции на тему «Роль т. Сталина в организации ремонта бочек на фронте».

Профсоюзный деятель с полностью атрофированной социальной памятью.

Председатель колхоза — ярый сталинист.

Осведомитель НКВД носил подмышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом».

Тупоголовый партийный и профсоюзный работник, который жил и мыслил в языке советских плакатов.

Простая женщина, для которой письмо «наверх» и Отчешаш выступали в одной функции: как взывание к Богу.

Жертва режима (жена заключённого, затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар».

Бывшие люди (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства — М. Булгаков, М. Горький, К. Чуковский, Л. Сейфулина, Б. Пильняк, П. Корин, Д. Шостакович, А. Толстой и пр.) — славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру.

Молодёжь периода «застоя» превратила труд в абстрактную категорию, а досуг — в главное пространство общения.

Дети советской номенклатуры — новые буржуа, писатели, художники [Козлова 2005: 104, 217, 328, 360–361, 420].

Под таким углом зрения можно рассмотреть и население Ростова-на-Дону. С учётом констатации: советские типы состоят преимущественно из начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Эту когорту советских людей уцелевший князь предлагает называть особым термином: «Беззаветных тружеников возглавляло всевозможное начальство:

уполномоченные, особо уполномоченные, культурники, агитаторы, политработники, комиссары и всякие другие главнюки» [Голицын 2010: 31–32].

При характеристике главнюков можно учесть общий вывод Н.Н. Козловой: эти люди готовы были все простить государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления поправленной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить — конечно, с разной степенью истовости» [Козлова 2005: 486].

Стало быть, «новая ментальная карта» типов советских людей воплощает старую идею о тождестве государства и типов людей. Гегель ограничивал это тождество формами политического мышления, к числу которых относил политическое умонастроение (патриотизм), корпоративный дух и государственный разум. Как раз в нулевые годы данные формы мышления получили статус идеологом в России. Однако по Гегелю указанные формы политического мышления образуют предпосылку «разумного государства». Поскольку советское государство распалось, можно ли его считать «разумным»? При любом ответе следует учитывать меру воспроизводства типов советских людей и меру их готовности все простить государству, которое в сознании большинства жителей России неотделимо от правительства. Именно здесь скрывается фундаментальная проблема современного этапа развития страны.

Путешествующий воин-писатель-философ

Эрнст Юнгер, выдающийся политический философ XX века, был в Ростове и других местах Северного Кавказа во время германской оккупации. В «Кавказских заметках» записи от 22–23 ноября 1942 г. посвящены Ростovu. Выделено основное впечатление Юнгера:

«Ходил по городу; все те же унылые картины. Так же как мои прогулки в Рио, Лас-Пальмасе и на иных побережьях напоминали слаженную мелодию, так здесь все отвращало душу...

Снова знакомство с улицами и все то же впечатление — Восток, лишенный всякой магии. Глаз должен притерпеться к виду, невыносимо тягостному; нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника — железные дороги, машины, самолёты, громкоговорители — и, разумеется, все, что относится к вооружению. И напротив, недостаток в самом необходимом — в питании, одежде, тепле, свете. Ещё очевиднее это в отношении более высших сфер жизни, того, что нужно для радости, счастья и веселья и для щедрой, любящей творческой силы. И все это — в одной из богатейших стран, какие есть на земле.

Кажется, здесь заново повторяется история Вавилонской башни. Но не её строительство, а наступившие затем мешанина языков и всеобщий развал. Эти в общем-то понятные вещи здесь проникнуты ужасом распада. Это та стужа, которая зовёт огонь, так железо притягивает молнию...

Идёшь миром запустения, где хозяйничают крысы» [Юнгер 2002: 220–222].

Эта характеристика Ростова нуждается в обсуждении с учётом специфики травелога как жанра литературы, философского травелога в особенности. Надо учитывать общее мировоззрение Юнгера, его концепцию консервативной революции и факт присутствия в Ростове во время германской оккупации. Но это не мешает зафиксировать диспропорцию между европейским восприятием Востока (как чего-то магического) и Ростовом (в котором отсутствует всякая магия), зато чувственно воспринимается приоритет техно-милитаристского образа жизни и отсутствие любых предпосылок для жизни как духовного творчества. Возникает вопрос: являются ли констатации Юнгера историческими свидетельствами или универсальной оптикой при восприятии нашего города?

Все сказанное можно завершить концептом тотальной истории, которая сводит воедино социальную (в том числе городскую) мечту и террор. Речь идёт о ростовской тематизации проблем, намеченных в капитальном исследовании Карла Шлегеля и систематизированных в одной из моих статей [Макаренко 2014]. Моя гипотеза состоит в применении к описанию социальной истории Ростова-на-Дону всего богатства концептов структурной антропологии и любви-ненависти (для описания отношения к родному городу), роковой чепухи (для квалификации всего региона Новороссии), тотальной истории и магического реализма (для изучения советской истории), ментальной карты (для описания типов советских людей и их руководителей-главнюков), включая жителей Ростова-на-Дону.

Иллюстрация гипотезы

Материалом для иллюстрации такого описания будут служить монографии, посвящённые истории Ростова-на-Дону [Поташев 2004; Поташев 2006; Сидоров 1994–1999], в которых содержится также богатая библиография. Но в большинстве случаев публикации о Ростове выполнены в парадно-апологетической манере по отношению к городу, обходят все поставленные проблемы и не дают возможности реализовать концепт дистанции применительно к родному городу. Поэтому для меня важно было найти такое издание, которое в первом приближении иллюстрирует необходимость перехода от концептуального уровня на уровень реальной истории города. В этом смысле мне кажутся важными книги И.А. Кузнецова и Н.Е. Врангеля. Первая из них является первым полным рассказом о становлении города. Ее первое издание вышло в 1897 г., в 2002 г. она переиздана. Я попытался систематизировать материал по рубрикам, которые выделены с учётом критического содержания описанных концептов.

Отношение к официальному прошлому. Предки жителей современного Ростова-на-Дону пренебрегали историей. Доказательством является истребление городского архива в 1883 г. при городском голове Н.И. Кузьмине. Городская Дума позволила продавать управе «...старья дела из архива упразднённой думы, за период времени с 1800 по 1840 год». Продано было с торгов по 2 рубля 40 копеек за пуд до 50 пудов архивного материала! Исторические документы пошли на завёртку донских селёдок, зато городская казна обогатилась на сто рублей!» — саркастически замечает И.А. Кузнецов [Кузнецов 2002: 22, 67]

Специфика колонизации. Он приводит сведения о Черноморском побережье до господства турок, описывает периоды от XIII–XV вв. до учреждения Темерницкой таможни и от первых поселенцев на Темернике до указа 29 августа 1797 года. Кузнецов считает, что «колонизаторская деятельность московского правительства вызвана была беззащитностью наших южных окраин, подвергавшихся разорительным набегам диких кочевников» [Там же: 35]. Существовало два пути колонизации края: официальный, при котором московское правительство заселяло окраины и оттесняло кочевников в глубь степей; добровольные поселенцы, которые (по мнению Кузнецова) были основателями казачества.

Прошлое Ростова скрыто в архивах о беглых в Новороссию. Население Темерницкой таможни образовалось из бродяг Азовского побережья — людей без роду и племени с сомнительным прошлым. Значительный контингент «низовых людей» составляли запорожцы. Донцы-аборигены не одобряли захваты побережья новыми пришельцами, между ними шла борьба. Станицы от Недвиговки до Кагальника — это первые поселения запорожцев. Их сношения с Россией могли происходить только через донских атаманов или при посредстве русских властей (находившихся в крепости св. Анны). Но таких сношений «низовые люди» избегали. У большинства были столкновения с властями и помещиками. Напоминать о прошлом было нежелательно, что «...могло случиться при сношениях с „начальством“. А „на-

чальство“ из-за пограничной стражи довольно сурово относилось и к „низовым людям“, и к донцам» [Там же: 42].

Но приток таких колонизаторов усилился после указа Екатерины 1780 г. Указ отменял все стеснительные требования в отношении «низовых людей». Разрешал селиться в приазовских степях и вообще в Новороссии всем и каждому, без опросов и паспортов.

Космополитизм. Темерницкая пристань была южным «окном в Европу». Здесь селился безнравственный, энергичный и предприимчивый «сброд». Русские и запорожцы перемешивались с иностранцами, которые на отводимых бесплатно землях строили себе дома и оседали прочно. Уже в 1770-е годы при Темерницкой таможне учреждается третейский суд (под председательством коменданта крепости святого Дмитрия) для разбора конфликтов, возникших между русскими и иностранцами на почве торговых отношений. «При самом своем зачатии Ростов носил тот же космополитический характер, который ему присущ и теперь, резко выделяя его из ряда других русских городов» [Там же: 52].

В период войны с Турцией 1768–1774 гг. ростовские волонтеры приняли в свой состав множество «бурлаков» и запорожцев, образовали милицию под названием «ново-донских» казаков, взяли Азов и хотели захватить донские гирла в свои руки. Но это не удалось. Взамен они основали на реке Кагальнике «...знаменитую колонию рыболовов, которую до сих пор ещё Донское войско не может привести к порядку и доброму соседству» [Там же: 53–54].

1779 г. принёс неожиданных соседей — крымских выходцев-армян. Им было дано право избрать себе земли, что нанесло ростовцам ущерб. «Они избрали лучшее предместье Ростовской крепости. Высочайшей грамотой от 14 декабря 1779 года армянам были дарованы избранные ими земли. Обитателям Ростовского форштадта пришлось оставить насиженные места и уступить их пришлым чужеземцам. В 1780 г. армяне на Полуденке основали свой город, назвав его Нахичеванью. Новые соседи ростовцев явились для них опасными соперниками в торговле; помимо этого, в их руках оказался и рыбный промысел, так как к их территории отошёл и весь левый берег Дона, от устья Темерника и выше по течению до самой Нахичевани. Впоследствии между ростовцами и армянами возник из-за доходной статьи довольно продолжительный процесс, который кончился не в пользу ростовцев» [Там же: 54].

Ретроспективный взгляд на ранний период ростовской истории приводит И.А. Кузнецова к выводам: пионерами ростовской культуры были «люди разного звания»; они выбирали места для поселения, следуя указаниям жизни; вначале правительство пыталось регламентировать стихийную деятельность; после неудачных попыток давало ей полный простор и само следовало ее указаниям в выборе мест, отвечающих стратегически-торговым путям; Ростов выдвинулся вперёд в силу географического положения; после этого правительство официально констатирует факт многолюдного стечения разного народа; для установления «порядка и сохранения благоустройства» учреждает суд и полицию.

Таким образом, «...Ростов отличается от большинства русских городов, созданных по штату, т. е. для того, чтобы немного разнообразить утомительную простыню географической карты России новым кружком. Ростов, наоборот, пришлось занести на карту уже после того, как его создала жизнь» [Там же: 57]. Ростов возник сам по себе, а не при покровительстве государства.

В период от образования Екатеринославской губернии (1802 г.) до 1872 г. на первом плане были *отношения Ростова с Одессой*. В этой губернии был Ростовский уезд. В 1807 года Ростов, Нахичевань, Мариуполь входят в состав Таганрогского градоначальства. Одесса в отношении Приазовья сыграла неблагоприятную роль. Азовские порты, включая Ростов, едва не пали жертвой ее честолюбия. Начальник Новороссийского края граф Ланжерон создал проект закрыть Азовское море для заграничных судов, якобы для развития в Приазовье каботажной и внутренней торговли. Но запрет входа иностранным судам в порты был равносителен

прекращению торговли. Вскоре после представления проекта через Таганрог проезжал Александр I. Он обвинил Ланжерона в том, что тот вводит правительство в ошибку. Рескрипт императора спас торговлю Приазовья и развитие его городов.

Отношение к новшествам. Флот Азовского моря был примитивен: «Донская лодка может плыть только одним попутным ветром; при всяком боковом ветре несёт её в сторону, лавировать она не может, а потому, где глубина и грунт позволяют, бросает якорь... Причиной такого „ветхозаветного“ состояния судоходства на Дону и Азовском море было отсутствие опытных иностранных мастеров и косность местного населения — казаков, которые, „от неохоты что-либо заводить новое и нежелания на лучшее судно издержать более денег“, не расставались со своими историческими „дубами“, несмотря на то, что пред их глазами в Азовском море плавали иностранные суда совершенной конструкции. Казаки смотрели с таким же равнодушием на иностранные корабли, как на небо, считая их для себя „премудростью излишнею» [Там же: 63–64].

Для развития судостроения и мореходства на Азовском море возник проект создать в окрестностях Таганрога и Ростова колонию далматских славян (корабельных мастеров и матросов). Но они пришли сами. Иностранцы сыграли громадную роль в истории культуры и развитии края. Родоначальниками ростовской торговли были греки и англичане, которые в 1820 г. основали в Таганроге и Ростове торговые конторы: «Они и положили основание ростовской торговле, выдвинувшей быстро уездный городок из неизвестности» [Там же: 64–65]. Начальник Новороссийского края князь М.С. Воронцов принимал участие в судьбах Ростова и в 1835 г. исходатайствовал возобновление в нем бывшей таможни.

Армяно-ростовский конфликт. При основании Ростовской крепости она была наделена 200 кв. верст земли по обеим сторонам Дона. Но после переселения армян на Дон значительная часть ростовских земель отошла под армянские поселения. Ростовцам оставили оба берега Дона, которыми они владели до 1800 г., когда новороссийская межевая контора в собственность Ростова отвела только правый берег Дона. Это постановление было отменено в 1805 г. межевой канцелярией. Но ее решение было утверждено правительствующим сенатом только в 1812 г. «За ростовцами упрочены были их законные права на оба берега Дона. Это обстоятельство не понравилось нахичеванским армянам. Вследствие их просьбы вопрос вторично рассматривался в сенате, и в 1828 году решением сената положено было предоставить Ростову только «правый берег Дона... Ростовцы остались недовольны таким решением дела и в 1837 году подали государю всеподданнейшее прошение, в котором испрашивали «подтверждение прав на прежнее, долголетнее владение рекою Доном с обоими берегами», но высочайшей резолюцией прошение ростовцев оставлено было без последствий» [Там же: 68–69].

На плане Ростова 1811 г. нанесены были только кварталы, без разбивки на дворовые участки. Поэтому городская дума отводила участки под постройки по сажням, с платой 10–12 коп. ассигнациями за кв. сажень. Земля была дешёвой. Несмотря на это «...многие из обывателей предпочитали селиться, не уплатив и 10 копеек ассигнациями за сажень, и занимали землю по своему усмотрению, сколько кому бог на душу положил. Такой упрощённый колонизаторский приём, унаследованный ростовцами от их предшественников, «низовых вольных людей», не любивших стеснять себя, хотя и шел вразрез с интересами городской кассы, но, несомненно, значительно содействовал быстрому росту заселения города. Излюбленным пунктом таких самовольных поселений было предместье Богатый Источник» [Там же: 70]. Городское управление не раз угрожало сломать все эти постройки, но «разного звания люди» продолжали колонизаторскую деятельность. Замечу попутно, что весь это предместье стоит до сих пор.

В Ростове имелись два здания, принадлежащих Обществу ростовских купцов. Первое предназначалось для призрения бедных (богадельня), но в 1843 г., «по особому распоряже-

нию начальства», туда была переведена больница городского острога. Под богадельню, за счёт тюремных сумм, снималось помещение у частного лица.

Санитарные проблемы. В целом наши предки жили в непролазной грязи и кромешной тьме. До середины XIX в. в Ростове не было европейских экипажей: «Извозчики и частные лица употребляют особого рода „дроги“, покрытые войлоком, очень похожая на одесские „биндюги“, на которых возят бочки с салом... Фасон их, введённый в здешних местах при Императрице Анне Иоанновне, до сих пор не изменился: оне одне не тонут в океане ростовской грязи» [Там же: 75].

Ростов был грязным городом. Домовладельцы не вывозили даже нечистоты со двора, «а уж если такая оказия случалась, то обыкновенно домовладелец находил справедливым не утруждать себя далёкой вывозкой и сбрасывал нечистоты где-нибудь поблизости, в пределах города» [Там же: 153].

Обыватели Ростова отличались нечистоплотностью, нечистоты свозили в центральный пункт города (в балку) или выливали на улицы, варварски относились к растительности: «в 1860 г. гласный Тимофеев донёс думе, что сад Кивы весь разгорожен и деревья почти все неизвестно кем повыврублены» [Там же: 167].

Статистика и процесс заселения Ростова. Все статистические данные о прошлом Ростова не отличаются точностью. Источники противоречат друг другу. Статистики писали данные с потолка, поскольку на все думские отчёты смотрели как на пустую, но неизбежную формальность, которую надо сбить с рук. Петербург высылал для составления отчётов настолько подробные программы, что они оказывались не по силам городскому управлению. Даже лучшие люди города не могли серьёзно отнестись к возлагаемой на них задаче. «Вот почему ... статистические данные в ростовской истории (как и всюду) по таким вопросам, как заселение города, рост и движение населения, могут иметь только приблизительный характер» [Там же: 76–77].

В период с 1782 г. до 1850 г. население города увеличилось от 13200 чел. до 100000 чел. Рост шел за счёт мещан и крестьян, пришедших на заработки из Орловской, Курской, Воронежской и Тамбовской губерний. Часть «селилась в новом отечестве, прибегая при этом к освящённому ростовскими традициями способу колонизации, т. е. захватывая самовольно себе кусок городской земли, без всякого спроса у городского управления. Таким путём и возникла впоследствии Нахаловка». Мужчин было больше женщин. Это ещё более снизило нравственность населения. В Ростове свила гнездо проституция. В 1874 г. было 19 домов терпимости. Один бордель приходился на 1322 жителя мужского пола. В вероисповедном отношении население состояло из православных, евреев, армян, католиков, протестантов и др. [Там же: 78–80].

Мещане или граждане? Ростовское население сформировалось в сословие мещан, принадлежность к которому долгое время считалась в Ростове зазорной. Само слово «мещанин» считалось унижительным. После отмены подушной подати 22 апреля 1865 г. ростовцы ходатайствовали о переименовании их в «граждан». Дума поддержала ходатайство и послала его в Екатеринослав. Но оно было отвергнуто: «Начальство судило иначе, и ростовские мещане так и остались мещанами и поныне» [Там же: 82–83].

В период Крымской войны соединённая эскадра Англии, Франции и Турции бомбардировала Бердянск, Мариуполь, Таганрог. После войны донские гирла были окончательно испорчены. Вначале землечерпательные работы по расчистке гирл Главное управление путей сообщения сдало Волго-Донскому обществу. Но от этого было мало толку. В 1863 г. ростовское отделение Коммерческого совета ходатайствует об учреждении в Ростове комитета из судовладельцев и других лиц, заинтересованных в успехе судоходства в гирлах Дона. При этом существующий гирловой сбор из ведения городского управления поступал в распоряже-

ние комитета. Городской голова А.М. Байков поехал в Петербург. В апреле 1865 г. царь утвердил Положение о комитете донских гирл под председательством А.М. Байкова.

Комитет действовал с 1865 г., но его эффект был низким; происходили постоянные конфликты с казаками и армянами по поводу рыбы; А.М. Байков и Ростовская дума выступали против строительства Новороссийского порта и железной дороги Царицын-Тихорецкая; переписка с Петербургом об открытии первого банка в Ростове велась с 1846 г. до 1863 г., когда был открыт первый городской банк; для ростовских торговцев было неудобно то, что все недоразумения и дела, возникшие на почве торговых сношений, вёл коммерческий суд в Таганроге. С 1842 г. до 1864 г. велась по этому делу переписка с Таганрогом, Одессой, Екатеринославом, Петербургом, но так и не привела ни к каким результатам; дело по открытию Коммерческого совета и биржи в Ростове тянулось с 1862 г. до голода 1891–1892 гг. Все это время Департамент торговли и мануфактур отклонял предложения города.

В ростовском купечестве наметилось *две тенденции*: равнодушие одной части ко всем городским делам; другая часть стремилась оставить в неприкосновенности старое положение вещей: «Последние стремились парализовать действия биржи, которая, как и всякое общественное учреждение, ставя интересы общие выше интересов частных лиц, естественно ограничивала произвол последних в приёмах ведения торговых операций и тем наносила ущерб их частным интересам» [Там же: 122–123]. Но ростовские мастера не хотели соревноваться между собой в совершенствовании мастерства.

История городского управления. Высочайшим указом от 29 августа 1797 г. Ростовская крепость была преобразована в уездный город и получила административное устройство: правительство назначало городничего; магистрат исполнял прерогативы судебно-административного характера; дума во главе с городским головой заведовала делами общественного хозяйства. Магистраты были введены Петром I и вначале были судебно-административными учреждениями: «Они творили суд, и в то же время на них лежали административные обязанности: они наблюдали за раскладкой и взиманием государственных податей, должны были „городским тщанием“ насаждать школы, строить госпитали и, вообще, заботиться о городском благоустройстве. В действительности, однако, магистраты очень плохо справлялись с возложенными на них задачами, так что после смерти Петра Великого они были уничтожены и преобразованы в ратуши, отданные в полное подчинение и зависимость воевод. Но эта мера не принесла желательных результатов, и, спустя несколько лет сенат констатировал, что выборные члены ратуш, бурмистры, „как к распорядкам гражданским попечения, так и к их самим защищению смелости не имеют“. Это обстоятельство побудило ввести опять магистраты» [Там же: 135].

Городовое управление в Ростове было введено в 1801 г. Но об обстоятельствах этого события, первых шагах городского управления и его составе в архиве сведений нет. Самый древний документ из истории общественного управления города — дело о выборах на общественные должности на трёхлетие с 1842 г. Существовал имущественный ценз: право голоса на общественных собраниях предоставлялось обывателю, достигшему 25-летнего возраста и имевшему годовой доход не менее 50 рублей. Были уголовные ограничения — к участию в городских делах не допускались лица, опороченные судом. Класс дворян был выделен из массы обывателей и освобождён от мещанских тягостей и служб. Дворяне не желали смешиваться с «подлою» массой. Поэтому общественное управление городом всецело предоставлялось купцам и мещанам. «...а так как класс первых в дореформенный период только ещё зарождался, то все дела общественного хозяйства были в руках мещан» [Там же: 137].

По идее, городское управление призвано было радовать о нуждах и пользах города. Городской голова и остальные выборные лица служили безвозмездно, «из чести». Такая перспектива не прельщала наших предков. Они избегали почётной общественной службы. Все

городские обыватели индифферентно относились к дарованным им правам самоуправления. На избирательные собрания приходила малая часть из массы избирателей. Члены думы являлись в присутствие на короткое время для подписи заготовленных канцелярией бумаг. К выборам допускались лица, состоявшие под судом и даже опороченные. Поэтому ревизор Мачуговский из Екатеринослава в 1860 г. предложил изъять городское хозяйство из ведения городской думы и назначить особого комиссара.

По закону круг действий думы был широк: дела общественные, казённые, судебные, городское хозяйство, торговая полиция. Но в распоряжении думы почти не было денег. Поэтому городское управление зависело от администрации: «...городские думы играли роль лишь приказчиков-конторщиков, которым представлялось право сбора известных обложений, записи их в приходно-расходную книгу и расходований по усмотрению и распоряжению администрации края» [Там же: 140].

Есть ряд показательных фактов зависимости городского управления от администрации края в расходовании общественных сумм:

а) в конце 1841 г. городское управление решило без особого разрешения кредита «вычистить» помещение магистрата; наняли отставного унтер-офицера, заплатили ему 12 рублей, послали об этом рапорт в Екатеринослав; оттуда пришла бумага городничему проверить и удостовериться в действительности издержки; тот был вынужден разыскать унтер-офицера и из личных расспросов в этом убедиться;

б) в 1842 г. дума «для означения времени» открытия базара решила повесить на базарной площади флаг; на это требовалось 3 рубля, но дума не решилась без разрешения губернского правления произвести такой расход и послала об этом бумагу; ответ пришёл через год.

В целом опека над городскими управлениями приводила к противоположным результатам: лучшие люди сторонились от общественной арены; она заполнялась людьми, не отвечавшими своему назначению. «Если же на арену общественного служения и попадали люди с благими намерениями, то они, в силу обстановки их деятельности, оказывались бессильными что-либо сделать для города и, кроме неприятностей для себя, ничего не получали» [Там же: 142].

Регламентация вызывала необходимость в обходе законов. Для нужд города устанавливались неофициальные сборы, которые расходовались бесконтрольно. Так создавалось *неофициальное хозяйство*. При А.М. Байкове купеческое общество приговорило взыскивать на городское хозяйство с местных и иногородних купцов 3 гильдии — 10 руб., 2-й — 25 руб., 1-й — 50 руб., и с мещан — 50 коп. Эти сборы давали сумму, которая поступала в распоряжение городского головы. Но кто-то написал анонимный донос начальству. Губерния назначила ревизию, которая постановила представлять смету городских расходов в губернию.

Регламентация не гарантировала от злоупотреблений. Ревизия Мачуговского показала: оброки находились в неудовлетворительном состоянии; места для строительства домов захватывались самовольно и застраивались бесплатно; дума не имела городской обывательской книги и не взыскивала сбор в доход города; с некоторых заводов сборы не взимались; расходы шли без проверки и учёта; проставленные цены (покупка припасов для больницы) расходились со справочными и рыночными.

Все эти явления были связаны с нравственным и образовательным уровнем служащих городского управления. Из-за мизерности окладов процветало *взятничество*. Общество не уважало муниципальные учреждения и относилось к ним безразлично. «Активные граждане» приходили на заседания думы пьяными, поэтому заседания принимали весёлый и буйный характер. Об этом свидетельствует отношение екатеринославского губернатора от 2 ноября 1859 года: «До сведения моего дошло, что в гражданской думе делают сборы жителей по разным предметам ночью и в праздничные дни, вследствие чего многие из сословия мещан

приходят в нетрезвом виде, позволяют себе бесчинства, чрез что происходят споры и различные недоразумения, произносятся выражения, обнаруживающие неповиновение к начальству, а по темноте в думе нет возможности заметить их в толпе» [Там же: 145]. Губернатор предписал впредь не допускать ничего подобного.

«Вся обстановка, все условия деятельности дореформенных муниципальных учреждений, — резонирует Кузнецов, — даже лучшим людям связывая руки, становятся поперек пути к осуществлению их благих намерений. Нужна была особенная энергия и железная воля в соединении с выдающимся умом, чтобы поднять общественное хозяйство на должную высоту. Такой человек и явился на ростовском горизонте в лице покойного А.М. Байкова, который был избран ростовским головой сперва на трёхлетие с 1863 года и затем вторично на трёхлетие с 1866 года. Управление Байкова открывает новую эру в истории Ростова» [Там же: 146].

Местный вождь и новая ростовская эра. А.М. Байков получил образование в училище правовередения, служил в департаменте юстиции. Во время Крымской войны был штабс-капитаном в дружине петербургского ополчения, отличился в Прибалтийском крае, а в 1857 г. уволился в отставку. По частным делам поехал на юг и попал в Ростов. Здесь быстро выдвинулся, приобрел репутацию умного и энергичного деятеля и в 1863 г. избран головой. Ростовцы дали ему в 1865 г. звание почётного гражданина города, а в 1868 г. устроили в его честь обед. С ним связывают ряд перемен, улучшений и преобразований, «благодаря которым Ростов стал другим городом, занял почётное место в среде других городов русских и на него обращено внимание правительства» [Там же: 148–149].

Байков открыл ряд банков, биржу, общество кредита, гирловой комитет, благотворительное общество, преобразовал ярмарочный комитет, больницу, построил Петропавловскую богадельню, театр, мостил улицы, сделал мост через балку по Таганрогскому проспекту, устроил освещение города, открыл женское училище, женскую прогимназию, таможня получила больше прав и пр.

Но сразу началась оппозиция. 59 граждан в мае 1865 г. подали прошение екатеринославскому губернатору. В этой бумаге против Байкова выставлялось 16 пунктов обвинения. «В старое доброе время никаких комиссий и проверок не существовало. Все друг другу верили и никто никому не мешал» [Там же: 152]. Переписка по делу длилась больше года, но губернское управление нашло все действия головы основанными на законе и на распоряжениях высшего начальства.

В 1847 г. дума подала Екатеринославскому губернатору прошение об освещении города. Тот ответил: надо подождать, поскольку вопрос разрабатывает Министерство внутренних дел. 31 августа 1848 г. было обнародовано высочайшее повеление о введении «в столицах и городах привилегированных» уличного освещения спиртом. «Очень любопытны для того времени мотивы распространения освещения в городах: на эту операцию смотрели как на новый источник сбыта хлеба!» [Там же: 157]. МВД распорядилось перегонять зерно на спирт и так светить, «что обещает новую выгоду земледелию» [Там же]. Были разработаны нормы для столиц, Киева, Харькова, Вильны, Одессы, губернских и уездных городов (1000 вёдер). В 1851 г. разрешено ввести освещение, но оно почему-то не вводилось. В 1854 г. предписывается обязательно ввести спиртовое освещение. Но война отодвинула вопросы мирной жизни. Ростовцам было не фонарей. В 1859 г. ростовский городничий опять жалуется в Екатеринослав на отсутствие в городе уличного освещения. Губерния спросила: где взять деньги на освещение? Дума ответила: расходы (2231 руб.) могут быть покрыты за счёт городских средств. Губерния решила отложить освещение до более благоприятного времени. В ответ городская дума «предложила обществу принять на себя предстоящие расходы по освещению, но «граждане» решили, что им и без фонарей хорошо, и от принятия за свой счёт расходов по

освещению отказались. Так и остались ростовцы без фонарей» [Там же: 158]. Дело тянулось до 1864 г.

С водопроводом дело было так. В 1847 г. в Ростов приехал англичанин Александр Мальскольм, предложил устроить водопровод, получил концессию, но в 1849 г. помер. Затем за дело взялся швед Отто Фридрих Ватман. Тот пригласил в кампанию курского купца Петра Михалева. Но получилась афера. Вместо обещанных 50000 вёдер насос давал 200 вёдер в сутки. Ватман удрал, истратив 20000 рублей из денег Михалева. Михалев построил водопровод, но в 1854 г. тот сломался. Наконец, контракт заключили с ростовским купцом Куксой, который в 1865 г. дал водопровод.

Самый злополучный вопрос в ростовской истории — набережная. Он тянулся с 1834 г. до 1896 г.

Дикость ростовцев оправдывалась состоянием их просветительных учреждений, о чем свидетельствуют данные от 1850 г. К этой теме относится сюжет о театральной хронике: А.М. Байков захотел выписать из Неаполя итальянскую оперу; условившись с итальянским антрепренёром Корона, он вступил в длительную переписку с таможенным ведомством об освобождении от таможенных пошлин декораций оперы, а с Русским обществом пароходства и торговли — о льготах по перевозке труппы; наконец, в 1866 г. труппа прибыла в Ростов, но оказалась ниже всякой критики, а синьор Корона — аферистом: «В результате ростовцы имели удовольствие созерцать итальянских лаццарони-артистов, покинутых своим антрепренёром. Так неудачно завершилась попытка усладить слух ростовских меломанов итальянской оперой» [Там же: 174].

Ростов был богачом даже по сравнению с губернскими городами (в 1844 г. получил право на получение 10% из таможенного сбора ростовского порта в течение 25 лет). Но на народное образование по смете 1861 г. выделял всего 3,5%. Зато на содержание городской думы, магистрата, таганрогского коммерческого суда, полиции, полицейской команды, пожарной команды, полицейских и пожарных лошадей, наем дома для помещения полиции тратилось почти 50% всех средств [Там же: 177–178]. Жители многократно писали записки в МВД о предоставлении Ростову льгот, сопряжённых с пожертвованиями со стороны казны, но терпели фиаско. Общая картина финансового положения выглядит так: «Обременение бюджета расходами, идущими на покрытие издержек по удовлетворению общегосударственных нужд, и крайняя скромность цифр расходов по удовлетворению насущнейших нужд городского населения» [Там же: 180].

В эпоху *реформы 1861 г.* общество пробудилось от спячки. Созрела мысль о том, что «жить так, как прежде, — нельзя». «Под влиянием охватившего всю Россию оживления и городские представители набираются смелости и возбуждают ряд ходатайств о создании нового Городового положения» [Там же: 182]. Царь высочайше повелел «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах Империи». В том же году МВД приступило к выработке новой городской реформы, но вначале решило ознакомиться с состоянием городских хозяйств, оставив прежний канцелярский способ выработки проекта. В состав комиссий должны были войти представители от всех сословий, назначаемые губернаторами. Но МВД закрыло сведения о составе комитетов, вследствие чего трудно «судить о степени самостоятельности и независимости их от посторонних влияний» [Там же: 183].

Дворяне отказывались от звания городского обывателя и не хотели состоять в числе людей среднего рода — мещан. Ростовский комитет выдвинул ряд предложений: ввести в городах полное самоуправление; правительственный надзор не должен восходить далее начальника губернии; городское управление должно иметь право вмешательства в полицейские порядки для объединения разрозненных интересов полиции и общества; прослуживший непорочно 12 лет в общественных должностях должен иметь право пожизненно заседать в думе

с голосом. Однако несмотря на эти предложения в управлении городом господствовал *полицейский произвол*. «Постоянные недоразумения и столкновения прежних дум с полицией, происходившие вследствие неопределённости прав и пределов власти полицейских чинов, новым городовым положением были тоже в значительной степени устранены. В дореформенное время полиция, обязанная по закону наблюдать за чистотой и порядком в городе, мощением улиц, санитарным состоянием города, при крайне невысоком умственном и нравственном уровне развития своих чинов, сплошь и рядом давала слишком широкое толкование своим полномочиям, издавая самые произвольные постановления. Городская дума была бессильна что-либо предпринять для ограждения такого рода незаконных требований полиции» [Там же: 190].

Новое городовое положение введено в Ростове в 1872 г. Управа состояла из 7 членов: 3 — на жаловании, остальные бесплатно. Жалованье членам управы определено в 2000 руб. каждому, городскому голове — в 6000 руб. в год [Там же: 192].

Ростов «...был грязный, неустроенный городишко с зачатками кое-где разбросанных мостовых, почти без школ, с пародией на больницу, довольно примитивной архитектуры частными постройками и запущенными делами по общественному хозяйству» [Там же: 193]. Городское управление начало благоустраивать город, а МВД — мешать. В 1882 г. Государственный совет разрешил Ростову-на-Дону для устройства мостовых и улучшению портовых сооружений взимать сбор с отвозимых за границу товаров по 0,5 коп. с пуда любых товарных грузов. МВД потребовало прежде чем тратить эти деньги, посылать смету на утверждение министрами внутренних дел и финансов. Началась канцелярская переписка, так что заем городу на благоустройство был разрешён только в 1895 г. [Там же: 195–196].

«Характерная черта колонизации Ростова — широкая практика самовольного захвата городских земель» [Там же: 198]. Яркие тому примеры — поселения на урочище Богатый Источник и Нахаловка. Строительство было запрещено. Для обхода запрета на лесоскладах сколачивались деревянные домики и в готовом виде в ночное время перевозились на заранее избранные места. «Уследить за этим, при отсутствии правильно организованного надзора, не было возможности» [Там же: 199]. Управа безуспешно требовала от полиции прекратить подобное своеволие, затем обратилась в суд. 25 июня 1880 г. мировой судья 1 участка города рассмотрел 38 дел и постановил: постройки снести, обвиняемых подвергнуть денежному взысканию, при неуплате — аресту. Год спустя — 8 июня 1881 г. полицейский пристав сообщил управе, что не может выполнить решение мирового судьи: ему не назначили агента для этого, а денег нет. Управа назначила комиссара торговой полиции и выделила сумму, потребную для удовлетворения рабочих за снос построек. Несмотря на это, они стояли на своем месте. В августе 1882 г. ростовский полицмейстер донёс Екатеринославскому губернатору, что не может выполнить решение мирового судьи, поскольку эта крутая мера несправедлива в отношении указанных лиц, ибо они не единственные захватчики городской земли; а также из-за возможного сопротивления обывателей. Губернатор согласился, и захват земли стал эпидемическим. Управа приняла решение выкупать землю, но оно осталось на бумаге. «Доклады управы по этому предмету в городской думе проходят обыкновенно при сонном молчании гласных» [Там же: 204].

Зато после реформы 1861 г. безразличие к общественным делам становится не только свойством жителей, но и членов городской управы, которые интересовались общественными делами «...лишь в мере, необходимой для процветания частных предприятий» [Там же: 238]. С 1884 г. по 1889 г. головой опять был избран А.М. Байков. Но его подсадили, оправили под суд, который установил его невиновность. Из-за сутяжничества он заболел и помер 18 сентября 1889 г. «Вдова Байкова впоследствии обращалась в думу с просьбой о назначении ей городом пенсии. Но дума в этой просьбе ей отказала, мотивируя свой отказ неимением свобод-

ных источников» [Там же: 244]. Это произошло тогда, когда торговые и промышленные обороты города доходили до 150 млн. руб. в год, а обороты действующих в нем банков до 60 млн. руб. в год. Одновременно дума не хотела выселять 10 тыс. евреев, с учётом перспективы присоединения города к Донской области. Дума сочинила императору прошение, в результате которого в Ростове оставлено городское положение, но зато с присоединением его к Донской области было упразднено земство.

Анализ финансовой политики городского управления (уже после реформы) крайне труден: «Цифры отчётов городской управы за старые годы нередко так противоречат друг другу, что выяснение истинного значения их требует тщательного, кропотливого подсчёта по «первоисточникам», т. е. книгам и прочим документам, что, конечно, сопряжено с затратой массы времени» [Там же: 251].

В основе местных утопий лежали благие намерения. Принимались многие проекты с возвышенными целями (открыть Общество взаимного страхования, приют для брошенных детей, городской ломбард, закрыть бордели), но все канули в Лету. «На почве индифферентизма, халатности городского управления и обывательского отношения к «писакам», разыгрался пресловутый «тургеневский инцидент», доставивший Ростову печальную общероссийскую известность» [Там же: 259]. Ростовская дума оставалась глуха ко всеобщему протесту («клеймо, позорящее память великого писателя»), и лишь три года спустя постановила вернуть этой улице прежнее название (Сенной), а название Тургеневской присвоить другой улице — Полицейской. Пресса не пользовалась популярностью. Проекты газет умирали от крючкотворства губернатора, цензорских комитетов и равнодушия публики.

Родоначальник местной критики

Теперь обратимся к воспоминаниям отца белого генерала П.Н. Врангеля, который (отец) жил и работал в Ростове в 1878–1895 гг. и посвятил ему главу. Он пишет: «Вся промышленная жизнь Юга возникла только благодаря иностранной предприимчивости, только благодаря иностранным капиталам, и, конечно, сливки со всех предприятий сняли не мы, а они. Только мукомольная и сахарная промышленность осталась в русских руках, и не коренных, а евреев, за исключением Терещенко и Харитоненко... Только в одном месте на юге содалось нечто цельное и своеобразное, благодаря не иностранной инициативе, а русской, — город Ростов-на-Дону» [Врангель 2003: 236].

Анализ ростовских властей. По обычаям и традициям Ростов был городом оригинальным. В нем образовался привилегированный класс демократического происхождения — разбогатевшие голодранцы, которые свысока взирали на простых смертных: «Город находился в рабстве у этих кулаков, вожжи правления они не отпускали... Осознав, что им самим управлять городом не под силу, они пригласили на должности городского головы, присяжных и судей людей образованных, которые и осуществляли их политику, выполняли их желания, ни о чем сами не думая и нужд населения в расчёт не принимая. Как и везде, где власть принадлежит народу, стоящие у власти в Ростове представляли власть немногих» [Там же: 238–239].

По мнению Н.Е. Врангеля, А.М. Байков был знаменитым и умным дельцом на Юге, но в худшем значении слова. Он сделал для города много хорошего, но использовал официальное положение (городской голова, председатель съезда мировых судей, председатель Коммерческого съезда, директор Кредитного общества) для своей выгоды: «Все руководители города были высижены одной насадкой и все были похожи на нее во всех отношениях. Члены городской думы были стадом овец, выбираемых по приказу отцов города и выполнявших все их желания» [Там же: 239].

Отцы города до тонкостей разработали отношения с законом. Когда Байков опять занял должность городского головы, он захотел возглавить комитет донских гирл. Комитет должен был разработать меры по углублению устья Дона. Его бюджет исчислялся сотнями тысяч, поступавшими в казну города из денег, которые ежегодно платили проходящие через Ростов торговые суда. Деньги расходовались Комитетом бесконтрольно. Судьба попыталась сыграть с Байковым злую шутку: «Судовладельцы председателем Гирлового комитета сроком на три года выбрали некоего Ван дер Юхта, честного и независимого человека, который не пожелал, несмотря на оказываемое на него давление, уйти с должности председателя добровольно» [Там же: 239–240].

Ситуация развивалась так: Байков решил устроить новые выборы; Врангель на выборном собрании проголосовал против нелегальных выборов, потребовал занести несогласие в протокол и выдать ему копию протокола для обжалования выборов; после бурного обмена оскорблениями Байков обещал приготовить копию протокола и просил Врангеля зайти на следующий день; Врангель приехал и был любезно встречен Байковым; но тот между прочим спросил, почему Врангель не был вчера на собрании; выяснилось, что согласно протоколу он на заседании не присутствовал; разговоры Врангеля с членами совета ни к чему не привели, они отговаривались тем, что не помнят, поскольку не хотели и боялись портить отношения с Байковым: «Доказать факт мошенничества оказалось невозможным» [Там же: 240].

Предводитель ростовского дворянства А.К. Кривошеин (будущий министр путей сообщения) тоже подтасовывал результаты выборов. Продавал казне негодные пароходы (в топку бросали тряпки, смоченные керосином, чтобы пароходы дымили и было ясно, что пароход под парами).

Затем город преобразовался в дойную корову для нового горсовета: «Новые молодые люди с университетским образованием оказались такими же детьми тьмы, какими были необразованные, только более остроумными. Одно зло было уничтожено и немедленно заменено другим» [Там же: 255].

В конце 1880-х гг. власть объявила Ростов-на-Дону политически неблагонадёжным и перевела его из Екатеринославской губернии под власть атамана Войска Донского, жившего в Новочеркасске. Теперь решения городской думы должны были утверждаться атаманом. И дума голосовала за выделение средств на подарки атаману. Даже погромы в Ростове проходили своеобразно: в одном квартале грабили евреев, а в соседнем степенные граждане покупали по дешёвке у грабителей стянутые вещи [Там же: 256, 262].

Ростовские «товарищи». С Ростовом связана также судьба известного провокатора Е. Азефа. Бывший начальник Саратовского, а затем Московского охранных отделений в 1906–1917 гг. сообщает: Азеф удрал за границу в 1892 г. из Ростова-на-Дону, так как в Ростове выяснилась его связь с местной подпольной революционной группой. «За границей он сходитя с русскими политическими эмигрантами и через „ростовских“ продвигается в кружки активных эмигрантов. Он решает использовать свои связи и знания об эмигрантах и завязывает сношения с Департаментом полиции; последний принимает его предложения, но тянет дело, и Азеф анонимно присылает предложения и начальнику губернского жандармского управления в Ростове-на-Дону. Последний по почерку узнает Азефа, и по его данным производит ликвидацию; при неосторожных опросах арестованных вскрывается, что сведения у жандармской полиции идут из-за границы; в эмигрантских кругах сразу же настораживаются против „ростовских“ товарищей, и один из них открыто указывает на Азефа. Первые подозрения возникли... Правда, они скоро отметаются» [Мартынов 2004: 83–84].

Выводы

Социальная история Ростова-на-Дону может быть написана на основе применения множества концептов к фактическому историческому материалу.

На уровне концептуальном надо вписывать город в трёхмерное пространство, время и социальную структуру. Для европейского города характерно противоречие между домом и улицей, для Америки — противоречие между человеком и равниной. Для южно-российских городов (включая Ростов-на-Дону) характерно противоречие между человеком и степью, которое является исходным принципом описания. Самое понятие «дикого пейзажа» есть следствие деятельности человека. Требуется разработка аппарата, который позволяет фиксировать бессознательные решения в самом процессе урбанизации природы в ходе ее колонизации. По отношению к южно-российским городам надо учитывать меру их банальности, универсальность административных различий и соотношение природного и городского царства в каждом городе. Здесь возникает проблема появления и воспроизводства социального типа ростовчанина и соотношения в нем палеонтологических и социологических преобразований в процессе становления города, а также обострение дилеммы между старым и новым миром в каждом из южно-российских городов. Необходимо выявить и описать эмоционально-чувственную сферу местных индейцев-аборигенов в их отношении к имперским колонизаторам.

В целом история Ростова-на-Дону есть воплощение правительственной иррациональности в конкретных социально-исторических формах конфликта между имперским авантюризмом и национальными интересами России на протяжении последних двухсот лет. Противоположность между самостоятельным возникновением и правительственным учреждением города фиксировалась уже в XIX в. В состав данной противоположности входит множество констант современного города и мера свободы (или рабства) Ростова-на-Дону от них на всем протяжении его существования.

Концепт любви-ненависти к стране и месту обитания включает множество религиозно-мировоззренческих, культурных и политических феноменов. На этом уровне возникает проблема описания прошлой и нынешней российской, новороссийской и ростовской мерзости и роковой чепухи, поскольку ретроидеологема Новороссии использовалась для идеологического прикрытия войны между Россией и Украиной. Дискуссия о ретроидеологеме может быть трансграничной с учётом универсальности московско-лакейского типа и производного от него политического языка.

Советско-лакейский тип (или ментальная карта) человека включает множество подтипов, которые преимущественно состоят из начальников разного ранга, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Следует учитывать меру воспроизводства типов советских людей и меру их готовности все простить государству, которое в сознании и поведения большинства жителей России неотделимо от правительства. В Ростове чувственно воспринимается приоритет техно-милитаристского образа жизни и отсутствие предпосылок для жизни как духовного творчества. Концепт тотальной истории сводит воедино социальную (в том числе городскую) мечту и террор.

На уровне фактической истории Ростова-на-Дону следует учитывать параметры (феномены) реального существования всех поколений его жителей. В состав данных параметров (феноменов) входят: отношение к официальному государственному прошлому; специфика колонизации Юга России, включая Ростов-на-Дону; космополитизм пионеров ростовской культуры; отношения между Ростовом и Одессой; отношение местных жителей к новшествам; громадная роль иностранцев в истории культуры и развитии Юга России; армяно-ростовский конфликт между группами аборигенов; воспроизводство упрощённого колониализма (самозахват земли под жилище и уголья) на протяжении нескольких поколений ростов-

чан; постоянство санитарных проблем; ненадёжность статистических данных о прошлом города; условность социально-имущественной категоризации жителей города; две асоциально-консервативных тенденции ростовского купечества и их отражение в истории городского управления; предпосылки и формы проявления неофициального городского хозяйства; нравственный и образовательный уровни служащих городского управления; специфика пришлых местных вождей как принцип категоризации ростовского исторического времени; диспропорция между статьями городского бюджета на удовлетворение государственных нужд и расходов на нужды городского населения; полицейский произвол в управлении городом; рост безразличия к общественным делам не только среди жителей, но и среди членов городской управы по мере осуществления государственных реформ; специфика местных городских утопий и местной критики городского управления; формы воспроизводства зла в различных поколениях местной административной и законодательной власти; генезис общероссийских политиков-провокаторов из среды местных жителей.

Беляков С.С. 2014. *Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева*. — М.: АСТ.

Бродель Ф. 2002. *Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II*: В 3 ч. — Ч. 1: *Роль среды*. — М.: Языки славянской культуры.

Врангель Н.Е. 2003. *Воспоминания. От крепостного права до большевиков*. — М.: НЛЮ.

Голицын С.М. 2010. *Записки беспогонника*. — М., Русский мир.

Губарев П. 2016. *Факел Новороссии*. — СПб.: Питер.

Иван Сергеевич Аксаков... 2004. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. — Т. 2. *Письма 1849–1857 гг.* — М.: Русская книга.

Козлова Н.Н. 2005. *Советские люди: сцены из истории*. — М.: Издательство «Европа».

Краткий исторический очерк казачьих поселений на Дону. Без года и места.

Кузнецов И.А. 2002. *Прошлое Ростова. Очерки по истории города Ростова-на-Дону*. — Ростов-на-Дону: Изд. «ГинГо».

Леви-Строс К. 1984. *Печальные тропики*. — М.: «Мысль».

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. — М.: Европа.

Любавский М.К. 1996. *Очерк истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века*. — М.: Изд. МГУ.

Макаренко В.П. 2011. Город как судьба: взгляд Нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4.

Макаренко В.П. 2014. Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1.

Макаренко В.П. 2016. Русский государственный разум с точки зрения османо-русской имперской компаративистики. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3.

Макиавелли Н. 1998. *История Флоренции*. — СПб.: «Кристалл».

Мартынов А.П. 2004. *Моя служба в Отдельном корпусе жандармов*. — «Охранка». *Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1*. — М.: Новое литературное обозрение.

Орешкова С.Ф. 2005. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения. — *ВИ*. — № 3.

Поташев Ф.И. 2004. *Град Ростов и его голова Леванидов*. — Ростов-на-Дону: Изд. «NB».

Поташев Ф.И. 2006. *Град Ростов. Часть 1. Истоки становления*. — Ростов-на-Дону: изд. «NB».

Сидоров В.С. 1994–1999. *Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. В 5 т.* — Ростов-на-Дону: Гефест.

Скальковский А.А. 1865–1866. *Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749–1863*. — Место издания не указано.

Тарасов А. 2005. *Революция не всерьёз*. — Екатеринбург: Ультра.Культура.

Чилхушьян Г.Х. Б/г. *История города Ростова-на-Дону*. (Есть отметка «Опубликована в газете «Юг» в 1893–1894 гг.).

Шлегель К. 2011. *Террор и мечта*. — М.: РОССПЭН.

Юнгер Э. 2002. *Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)*. — СПб: «Владимир Даль».